

Литюга Юлия
(Украина)

Влияние невербальных компонентов коммуникации на интерпретацию (на примере английского языка)

В современном мире проблемы межкультурной коммуникации должны отойти на второй план, вследствие стирания границ между различными культурами и их представителями. Однако типы поведения в рамках одного культурного пространства всегда другие, чем в рамках другой культуры. При таких обстоятельствах очень часто возникает определенное недоразумение в различных сферах общественной и частной жизни, связанное с межкультурными контактами.

Примеров таких непониманий достаточно много: по статистике, работу половины американских менеджеров за рубежом оценивают как неудовлетворительную или недостаточную, причиной чего является их непонимание этнокультурных особенностей стран, в которых они работают. Много трудностей возникает у немецких специалистов, чью прямолинейность иногда воспринимают как агрессивность и недостаток такта. Многие представители других культур и языков также неоднократно попадали в трагикомические ситуации, связанные с ложными трактовками этноспецифичных реалий или переносом собственных идиоэтнических стереотипов в другие культурные пространства.

Еще больше недоразумений возникает, когда, не зная языка, а иногда и наоборот, чтобы подчеркнуть его знание, люди пытаются улучшить качество общения невербально, с помощью рук, жестов, определенных движений головой или телом. Так, например, подвергается опасности тот, кто своему греческому или болгарскому товарищу легким кивком головы хочет что-то подтвердить, потому что греки и болгары трактуют кивок головы наоборот – как отрицание. И таких примеров можно привести много. Поэтому, межкультурная коммуникация по-прежнему остается историей непониманий.

Оба слова – культура и интеркультуралистика – превратились сегодня в кодовые слова современности. Их большую роль подчеркивают с разных точек зрения: 1) как культурологический поворот в гуманитарных дисциплинах; 2) как поворот лингвистики к вопросам культуры; 3) при идентификации различий межкультурных переплетений; 4) как тенденцию к углублению исследования взаимодействия языка и культуры; 5) с точки зрения языка и коммуникации [3, 9].

Однако сама проблема интеркультуралистики – далеко не новая. Еще Гумбольдт задекларировал языково-философское направление исследований [5, 2]. Языки разных народов – это разные картины мира, обусловленные различиями «национального духа» этих народов. XX век возродил идеи Гумбольдта в так называемой гипотезе Сепира-Уорфа о связи языка и культуры и определяющее влияние языка на становление мировоззрения человека.

Круг интересов культурологического языкознания сегодня достаточно широк. Можно выделить как минимум три направления: 1) лингвистическая антропология, основанная на тезисе, что каждая человеческая культура и субкультура имеет свою антропологию. Задачу этого направления видят в лингвистически-филологическом историческом описании представителей этих культур и языков [2, 13]; 2) в металексикографии изучают, в частности, как различные культурные концепты отражены в словарях [3, 39]; 3) лингвистическая теория культуры, сравнивает надкультурные абстрактные единицы, так называемые «культуремы», которые проявляют себя в разных культурах, с разной частотой, в различных коммуникативных ситуациях [7, 31]. К таким культуремам относится, без сомнения, и отрицание, которое является не только культуремой, но и универсальной языковой категорией.

Определение отрицание как синтаксической, семантической, морфо-синтаксической или прагматической категорий имеет определенные объективные основания, так как особенность отрицания как одной из фундаментальных языковых категорий собственно и заключается в том, что оно выявляет универсальные качества в различных сферах своего действия. Об отрицании как морфо-синтаксической универсалии можно говорить в том смысле, что каждый язык имеет в своем распоряжении средства, специализированные для выражения отрицания, а в предложении (его универсальной модели) отрицание характеризуется четко определенной структурной позицией. Понятными и правомерными являются попытки определить языковое отрицание как универсальную семантическую категорию, основу которой формирует значение противоположного. Логико-семантический подход в исследовании возражения как раз и позволяет обосновать универсальность категории отрицания, ядром которой является формально-логическое отрицание, значение которого можно свести к функции семантического оператора, который превращает истинное высказывание на ложное и наоборот.

Закрепление за отрицанием статуса прагматической категории продиктовано его универсальной способностью удовлетворять коммуникативную потребность реализации таких речевых актов, как отказ, отклонение, протест, несогласие, опровержение.

Учитывая богатство и разнообразие языковых средств выражения отрицания, казалось бы, что невербальный аспект отрицания относится к его периферии. Однако общеизвестно, что значительную часть информации (и отрицательной также) воспринимают в процессах коммуникации через язык жестов, тональность голоса. В том числе 55 % сообщений мы воспринимаем через выражение лица, жесты, моторику головы и тела, 38% - через интонацию, и только 7 % информации поступает в форме артикулированных нами слов. В списке невербальных знаков и сигналов более 1000 единиц. Ван Дейк рассматривает паралингвальную деятельность, к которой относит дейктические и другие жесты, моторику тела, выражение лица, движения тела и физические контакты между участниками коммуникации, как один из уровней анализа высказывания [5, 37].

Поскольку отрицание относится к первостепенным коммуникативным категориям, чрезвычайная вариативность средств его языковой и внеязыковой реализации закономерна. И если внутриязыковым отрицательным единицам посвящено немало научных работ, внеязыковое отрицание системно не исследовано. Именно невербальная негация порой может перенимать главные коммуникативные функции, особенно в диалогической речи.

Невербальные средства негации могут реализоваться диссонансно с вербальными маркерами:

«It's very kind of you», – she said smiling scornfully (6, 6).

«Why don't you want to go to Paris with Peter»? Trumann leaned to him with a drippy smile.

Невербальные компоненты ситуации комментируются посредством вербальных знаков, уточняются: *«It's more that he was a Germany spy during the war». One of the men held up his eyes in the negative (4, 17).*

«His left hand, the one with the glove, shook involuntarily» (4, 20).

Вербальные и невербальные средства коммуникации актуализируются интегративно. Невербалика относится к семиотическим знакам, которые дополняют вербальные маркеры, оязыковляющие информационные блоки текстов. Невербальные компоненты не являются универсальными для разных языковых систем и представляют таким образом проблемы переводоведения.

Издавна известен язык жестов (лат. *gesticulatio* – осознанные, осмысленные жесты), который был распространен уже у первобытных людей всех частей мира [1, 107]. Особенно активно в языке жестов используется рука. Оперировав рукой, мы обнаруживаем не только свои эмоции, но и то, что иногда хотели бы скрыть. Язык жестов имеет в своем арсенале большую палитру средств, чтобы реализовать возражения в «чистом» виде или в одном из его коммуникативно-прагматических вариантов. Простейшим способом несловесного отказа является, например, резкое движение рукой. Сжатая в кулак рука может сигнализировать запрет. Удар кулаком по столу следует воспринимать как угрозу. Прилагаемый к губам указательный палец означает запрет говорить. Пренебрежительный взмах руки может свидетельствовать о нежелании продолжать любое общение. Пожалуй, для большинства славян известный жест из трех пальцев, также, хотя и пошло, но достаточно убедительно, передает отказ. Во многих странах Европы жест руки повернутой ладонью вниз, описывающий движение слева направо на уровне горла, свидетельствует о нежелании продолжения общения. Движение пальцем по горлу сверху вниз обозначает в Южной Америке недоверие к своему визави. Эту же семантику во многих других странах может иметь и потирание пальцами подбородка. Согнутый указательный палец, который осуществляет движение назад, является отрицательным жестом в племенах индейцев Северной Америки. Также негативные эмоциональные реакции нервозности и страха выражаются с помощью рук. Например:

Avice Crichton was dabbing her palms nervously with a handkerchief: “Pleased to meet you Mrs. Lambert. It’s kind of you to call on me (9, 130).

Контекст примера показывает, что женщина испытывает трудности в общении. Она вынуждена тщательно подбирать каждое слово, думать об эффекте, который может повлиять на её слова. Вследствие этого женщина переживает эмоциональную реакцию нервозности, и для того, чтобы снять внутреннее напряжение, она потирает ладони платком.

В многочисленных странах прикрытием ладонью уст говорящий хочет показать, что ему не следовало этого говорить. Разведенные в стороны ладони и сведенные плечи сигнализируют почти везде, за исключением Востока, - не знаю. Перечисленная кинетика характерна прежде всего для европейца, но даже в европейском культурном пространстве она по-разному проявляется у разных народов. Недаром считают, что итальянцы больше говорят руками, чем, например, немцы или скандинавы. Несколько иной является жестикация у мусульман, среди которых славянину следует быть сдержаннее с

привычными жестами. Это же касается и левши, чьи активные движения с помощью левой руки в отдельных культурах могут быть трактованы как крайне неприличные, потому что за «нечистой» левой рукой в этих культурах закреплено специфическую функцию ухода за гигиеной тела.

Этноспецифические жесты отрицания можно встретить везде: в частности, жест, при котором указательный палец и мизинец руки образуют круг, на Сицилии трактуют как *я не имею ничего*. Взмахи правой руки слева направо перед лицом интерпретируют в Японии как *нет*. Непонимание в Северной Африке демонстрируют, вкладывая руку в руку, ладонями вверх. Направленный на середину ладони указательный палец обозначает неверие в Израиле.

Описание жестов рук (*wringing his hands, wave arms excitedly*) может выражать такую эмоциональную реакцию как отчаяние.

Например:

- *He is ill – said the Frenchman.*
- *Why didn' t he write and tell me? How stupid of me to quarrel with him.*
- *We must go to him at once. He can have no one to look after him. – Dirk wrung his hands.*

But we discovered that none of us knew how to find him. Stroeve grew more and more distressed (10, 55).

Представленный в этом коммуникативном акте жестовый компонент невербальной коммуникации *wrung his hands*, является средством проявления эмоции отчаяния, вызванного растерянностью человека и его неспособностью найти выход из ситуации.

Невербальные компоненты коммуникации могут быть универсальными, то есть присущими носителям любого языка, независимо от расы или культуры, или же этноспецифическими, когда невербальное поведение в одной и той же коммуникативной ситуации разное у представителей разных наций. Отдельный жест может иметь определенную интерпретацию в одной нации, и совсем иначе его может толковать другая нация. К примеру можно привести жест ОКей, который передают в виде кольца с помощью пальцев руки и который связывают с буквой О в слове О'кеу. Несмотря на то, что это довольно известный жест в странах Европы и Азии, во Франции он означает ноль или ничего, а в Японии – деньги.

Средства мимики – движения губ, носа, бровей и лба – также непосредственно влияют на ход коммуникации. Они могут и стимулировать ее, и сигнализировать о

нежелании собеседника участвовать в разговоре. Отто Есперсен вообще считал, что индоевропейское *ne* по происхождению было примитивным возгласом отвращения, который сопровождался соответствующей мимикой, сокращением мускулов носа. По мнению ученого, это объясняет тот факт, что отрицания, которые начинаются на носовые (n, m), встречаются во многих языках за пределами индоевропейской семьи [8, 109]. Можно, конечно, спорить об объективности этой теории происхождения отрицания, несомненно остается тот факт, что с помощью мимики можно передать несогласие, непонимание, протест (свести брови, насупить брови, сморщить лоб, нос).

Визуальный контакт редко сознательно контролируемый, но, бесспорно, он принадлежит к важным компонентам коммуникации. Широко раскрытые глаза, например, могут быть сигналом несогласия, неприятия, отклонения.

"It's more that he was a Germany spy during the war". One of the men held up his eyes in the negative (4, 74).

Элементарным способом отказа от участия в разговоре является сознательное отведение глаз, демонстрирующее, что любые интерактивные действия нежелательны. Широко раскрытые глаза также могут быть сигналом несогласия, неприятия, отклонения.

"Speaking without passion or prejudice," she said, still looking at herself in the glass, when Evie placed the breakfast tray on her bed, "would you say I was by way of being a good-looking woman, Evie?"

"I must know what I'm letting myself in for before answering that question." "Hold your silly tongue," said Julia and eyed her sternly (9, 151-152).

Анализ контекста примера свидетельствует о том, что в результате сказанных слов друг коммуниканта переживает эмоцию обиды, выраженной с помощью номинации мимического компонента *eyed her sternly*, описывающий строгий, пристальный взгляд коммуниканта. Это в свою очередь является не только средством передачи эмоциональной реакции, но и показывает отношение женщины-коммуниканта к другому участнику коммуникативного акта.

Самый простой способ отказать, пользуясь не языковыми средствами, а моторикой головы или тела, - это покачать головой.

"Are you OK?" "No", she said shaking her head (11, 24).

Невербальные компоненты коммуникации могут быть универсальными или же этноспецифическими. Отдельный жест может иметь определенную интерпретацию в одной нации, и совсем иначе его может толковать другая нация. Перечисленные

отрицательные средства невербального общения являются периферийными элементами категории отрицания. В процессе коммуникации они сопровождаются, как правило, эксплицитно языковыми единицами. Однако неизвестно, было ли бы человеческое общение полноценным без этих средств. Знание невербальных единиц коммуникации непосредственно влияет на качество межкультурного общения. Иногда даже очень совершенное знание иностранного языка не позволяет его носителю полностью адаптироваться к языковой среде, так как он не обладает навыками невербальной коммуникации. И наоборот, умело используя элементы невербальной коммуникации, можно обеспечить качественное межкультурное общение и избежать непонимания. Перспективным является анализ семантического представления категории негации на материале дистантных языков.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – [изд. 2-е.] – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
3. Apeltauer E. (Hrsg.) Interkulturelle Kommunikation: Deutschland – Skandinavien – Großbritannien. – Tübingen : Narr, 2002. – P. 91 – 122.
4. Chandler R. Farewell, My Lovely / R. Chandler. – Fiction English, 1993. – 89 p.
5. Dijk T. A. van. Discourse as Interaction in Society / T. A. van Dijk // Discourse as Social Interaction. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – London : Sage Publications Ltd, 2000. – Vol. 2. – P. 1 – 37.
6. Grisham J. The Client / J. Grisham. – New York: Island Books, 1993. – 566 p.
7. Hermanns F. Linguistische Anthropologie. Skizze eines Gegenstandsbereiches linguistischer Mentalitätsgeschichte / D. Busse, F. Hermanns, W. Teubert (Hrsg.). // Begriffsgeschichte als Diskursgeschichte, Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik. – Opladen, 1994. – S. 29–59.
8. Jespersen O. Negation in English and other Languages / O. Jespersen –Kobenhavn : EjnarMunksgaard, 1917.
9. Maugham W.S. Theatre / W.S. Maugham. – Vintage, 2001. – 184 p.
10. Maugham W.S. Painted Veil / W.S. Maugham. – Vintage, 1997. – 256 p.
11. Steel D. Fine days in Paris / D. Steel. – Great Britain: Wyman Ltd, 2001. – 349 p.

Литюга, Ю.В. Влияние невербальных компонентов коммуникации на интерпретацию (на примере английского языка) [Текст] / Ю.В. Литюга; Науч. рук. И.К. Кобякова // Европа-2014 : гуманитарное знание между прошлым и будущим: сб. науч. тр. / Ред. кол. Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. - Вильнюс: ЕГУ, 2015. - С. 46-52.